

Михаил БАРУ

«НЕ ИМЕЮЩИЙ ИЗВЕСТНОСТИ»

Когда друг пред другом стоят коалиции главнейших народов, – что может сказать прошлое маленького городка и его окрестностей, выступавших на арене событий гораздо меньшего и иногда ничтожнейшего масштаба?

Июнь 1915 г.

Е.Е. Лебедев. Порхов и его окрестности. Исторический очерк

Как известно, у кошки девять жизней. Есть такие города, которые любой кошке... Взять, к примеру, Порхов – маленький районный центр в Псковской области – в первой своей жизни он родился почти восемьсот лет назад, в другом месте и в другой области, которая тогда называлась республикой. К тому времени в этих местах от племен финно-угров и следа не осталось – они или ушли, или были ассимилированы кривичами, которых в свою очередь ассимилировали ильменские или новгородские словене.

Когда речь заходит об основании города в бесконечно далекие и почти баснословные по нашим российским историческим меркам времена, то приходится, как правило, рассматривать две версии – официальную, подтвержденную летописями, товарно-транспортными накладными, отчетами, рапортами, письмами, и легендарную, существующую вопреки всем этим документам, как сорняк в огороде, который как ни выпалывай...

Начнем с официальной версии. В случае Порхова она проста, ясна и не допускает различных толкований. В тысяча двести тридцать девятом году Порхов основал новгородский князь Александр Невский. Правда, он тогда еще не был Невским, а был только что женившимся молодым человеком девятнадцати лет. Надо сказать, что внешнеполитическая обстановка вокруг Новгорода Великого располагала к строительству новых крепостей. С одной стороны, что ни год набегали ливонские рыцари, с другой – литовцы, с третьей – татаро-монголы, с четвертой, с пятой и с шестой – нужно было ожидать разного и, мягко говоря, не очень хорошего, от русских князей – как от ближних, так и от дальних. Была еще и седьмая сторона – Псков, с которым у Новгорода были отношения близкородственные, иначе говоря – то хорошие и даже очень, то плохие, а то и совсем никудышные. К тому времени, как был основан Порхов, ливонские рыцари захватили, пусть и на время, Псков. Таким образом, дорога на Новгород была им открыта и новые крепости должны были эту дорогу тевтонам если и не закрыть вовсе, то сделать так, чтобы путешествие по ней не было приятной и увеселительной прогулкой.

В Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов по поводу основания Порхова и других городов-крепостей по течению реки Шелони сказано: «Оженися князь Олександр, сын Ярославль в Новегороде, поя в Полотске у Брячеслава дщерь, и венчася в Торопчи; ту кашую чини, а в Новегороде другую. Того же лета князь Александр с новгородци сруби городци по Шелони»¹. Срубили тринадцать городков, а, точнее, крепостей в нижнем течении реки Шелонь, впадающей в озеро Ильмень. Порхов оказался аккурат в середине пути между Новгородом и Псковом в том месте, где в Шелонь впадала совсем маленькая, больше похожая на ручей-переросток, речка Дубенка. Впрочем, и ручей тоже был. Назывался он Черным, но до нашего времени не сохранился – пересох.

Строго говоря, городком такое поселение назвать трудно. Скорее, это было городище, обнесенное двойным земляным валом и заполненным водой рвом между этими валами. До сих пор при половодьях Шелонь в этот ров иногда входит. Со стороны высокого берега Шелони вала не было. Сказать, каким образом были устроены укрепления порховского городища, теперь трудно. Может, это был стоявший наверху земляных валов двойной частокол из заостренных дубовых бревен, между которыми насыпали землю вперемешку с колотым известняком, а может, деревянные срубы, превращенные набитой внутри и насыпанной снаружи землей, в валы. Одно можно сказать наверняка – валы буквально наспигованы обломками известняка. Это видно по стенкам прорезанного теперь прохода через вал в городище. Возле входа в этот тоннель, заросший кустами сирени, установлен гранитный валун с памятной табличкой, на которой написано «В 1239 году на этом месте была построена деревянная крепость, положившая начало Порхову – пограничной крепости Великого Новгорода. Охраняется государством». Внутри городища от места этого прохода к Шелони ведет почти заросшая густой травой тропинка². По словам экскурсовода местного краеведческого музея, тропинка эта в тринадцатом веке была улицей. Может быть единственной. Деревоземляная крепость просуществовала почти полтора века прежде, чем ее заменили на каменную. Была она небольшой – шесть десятков метров в длину и сорок пять в ширину. Судя по всему, успела и погореть, поскольку при раскопках на территории городища был обнаружен слой древесного угля. Рассказ о каменной крепости еще впереди, а пока обратимся к неофициальной версии, то есть к легенде, опубликованной в Псковских губернских ведомостях в 1872 году в статье «Археологические заметки о городе Порхове» порховским нотариусом, церковным писателем и краеведом Павлом Михайловичем Силиным. В предисловии к своей статье он пишет: «До порховского пожара 1859 года в доме купца Силина находилась рукопись, писанная в 1739 году, имеющая отношение к местной хронике. Пожар истребил ее; но в 1869 году, случайно, была найдена ее копия, которая тоже неизвестно куда утратилась, остались одни лишь выписки, которые и считаю не лишенными интереса с точки зрения местного историка».

Дискуссии о том, доверять ли Павлу Михайловичу и найденным им выпискам из неизвестно куда пропавшей копии сгоревшей рукописи, мы здесь устраивать не будем. Вместо этого процитируем Псковские губернские ведомости. «В первые годы развития Новгородской республики в самом Великом Новгороде проживало двое посадников: Феофил и Василий. Они, обладая богатствами, по обычаю того времени, доискивались разных должностей. Это раздражало новгородских смердов (чернь), которые на вече присудили сбросить их с высокого волховского моста, а дома и имущество их передать “потоку”, т. е. всеобщему разграблению. Посадники тайно бежали из города со своими семьями и родственниками на то место, где река, называемая Шалонью, впадает в озеро Ильмень. Берега этой реки в то время были покрыты непроходимой чащей леса. Но они, не считая для себя эти места безопасными, пошли вверх по течению реки и, проходя мимо некоторых селений, узнали, что далее есть остров, покрытый лесом, где когда-то было поселение, и на нем удачно можно заниматься звероловством. Пришедши на указанное место, где ныне стоит крепость, поселились здесь, выстроили несколько хижин и начали промышлять ловлею зверей. К ним начали селиться жители окрестных селений, страдавших от наводнения, и таким образом образовалось селение. Правительство Новгородской республики, проведая про беглецов, решило известить их, и для того послало некоторых людей с поручением отравить их. Приказание было исполнено: они умерли от действия яда, и суд республики свершился! По другому известию говорится, что посадники неизвестно куда изжили. Но во всяком случае, после их смерти селение постепенно увеличивалось благодаря положению своему на торговой дороге между Великим Новгородом и младшим братом его Псковом».

Может статься, что Александр Невский приказал обнести валами и стенами поселение, основанное Феофилом и Василием, может, крепость была построена рядом с ним, а может, и нет. Так или иначе, но с тех самых пор Порхов появился на глобусе Новгородского княжества, а уж потом и на всех остальных глобусах³.

Теперь о названии города. Сразу скажем – к пороку название города не имеет никакого отношения, тем более что во времена Александра Невского о пороке в этих краях никто и слыхом не слыхивал, а когда он появился, то называли его огненным зельем. Другое дело известняк, которого здесь было много. Камень слабый, рыхлый и ноздреватый. Его здесь часто использовали для построек. Из него потом построят и порховскую каменную крепость. Пыль, поднимаемая при его добыче, называлась порхом или, говоря современным русским языком, прахом⁴. К счастью, Праховым город не назвали. В названии Порхов есть что-то птичье, вольное, пусть даже и с огнестрельным оттенком, а в Прахове... Попадись такое название на кончик пера русскому писателю – и пошел бы он играть с ним как кошка с мышкой... Есть еще одна версия, по которой и сам камень называли порхом или парохом, а потому название города скорее каменное, а не пыльное. Так ли иначе, все предположения о происхождении названия города связаны с известняком.

После того как Порхов был основан, он пропадает из летописей на сто с небольшим лет. История, конечно, не прекратила течение свое, но о Порхове второй половины тринадцатого и начала четырнадцатого веков нам ничего неизвестно. То есть жизнь в крепости и возле нее продолжалась – гарнизон проводил стрельбы из луков по мишеням, лил на учениях кипяток и смолу со стен, штопал железной проволокой кольчуги, начищал до нестерпимого блеска шишаки, чистил зарастающий ряской ров, ловил ры... хотя рыбу в те далекие времена ловить нужды не было. Ее в Шелони водилось преогромное количество. С вечера выставляли большие корзины у берега на мелководье, ночью она сама туда запрыгивала, а утром забирали полные. Даже грибы, уж на что существа пугливые, подходили к крепости очень близко в несметных количествах, но ров переплыть не могли, и потому приходилось выходить за ворота, опускать мост, переходить на сторону грибов и косить их, косить... Ну, бог с ними, с грибами. Скажем лучше о торговле, в которой новорожденный Порхов стал принимать участие.

Порхов стоял не только на половине сухопутного пути из Пскова в Новгород, но и на половине водного. По рекам Черёха, Уза и Шелонь можно было добраться до озера Ильмень. Только в одном месте приходилось перетаскивать волоком восемь километров ладьи из реки Черёхи в приток Шелони Узу. До сих пор акkurat в этом самом месте существуют две деревни – Большой Волочек и Малый Волочек. Порховские купцы на весельно-парусных ладьях везли в Новгород зерно, лен, воск, кожи и пушнину, но это только половина пути, а весь путь от Пскова до Новгорода проходили немецкие, голландские и шведские купцы, приезжавшие и приплывавшие торговать из городов, входящих в Ганзейский союз. В новгородских и псковских летописях документов об участии порховичей в ганзейской торговле не осталось, но в городском архиве Любека сохранился документ, в котором немецкие купцы жалуются, что на реке Узе, то есть неподалеку от Порхова, их ограбили. Было это в начале девяностых годов тринадцатого века. В тысяча трехсотом году их снова ограбили. Купцы даже перечислили имена напавших на них разбойников.

Теперь сложно сказать в каком качестве участвовали порховичи в ганзейской торговле – в качестве купцов или в качестве разбойников, или, как это часто бывает, в качестве и тех, и других, но именно эти документы с жалобами на ограбления послужили основанием для включения Порхова в Ганзейский союз Нового времени, основанный в восьмидесятом году двадцатого века⁵.

В 1346 году под стены Порхова подступил литовский князь Ольгерд. Обычно литовские князья и немецкие рыцари приходили грабить псковские и новгородские земли без всякого повода, но тут у Ольгерда повод был. Новгородский посадник Евстафий назвал Ольгерда собакой. Назвал прилюдно, на вече. Понятное дело, что добрые люди Ольгерду все передали и тот, недолго думая, выступил в поход, чтобы наказать обидчика, а заодно и всех тех, кто попадется ему на пути к Новгороду. В летописи о походе Ольгерда сказано: «Того же лета приеха князь великий Олгерд с своею братиею с князи и с всею литовскою землею, и ста в Шелоне на устье Пшаги реки, а позывая новгородцев: хошу с вами видится. Лаял ми посадник ваш Остафей Дворянинец, назвал меня псом. И взя Шелону и Лугу на щит, а с Порховского города и со Опоки взя окуп». Большая часть летописей, в которых упоминаются эти события, сообщает, что сумма «окупа» была триста

шестьдесят рублей. По тем временам совсем немаленькая сумма, которую не со всякого городка и собрать. Значит, были у Порхова деньги. Вряд ли Новгород дал ему денег, чтобы откупиться от Ольгерда. Значит, жили в то время в Порхове и его окрестностях те, с которых эту сумму можно было собрать⁶.

Через шесть лет после Ольгерда до окрестностей Порхова из Пскова добралась эпидемия чумы, а еще через несколько лет сгорела порховская крепость. Нужно было ставить новую. В 1387 году началось ее строительство. Средства и специалистов для постройки давал Новгород. Такое масштабное строительство без благословения новгородского архиепископа не начиналось. Первая Новгородская летопись по этому поводу сообщает: «Того же лета благослови владыка Алексий весь Новгород ставити город Порхов камен; и послаша новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и поставиша город Порхов камен...».

Почему каменную? Во-первых, потому, что Порхов фактически превратился в ворота на полпути из Пскова в Новгород, во-вторых, потому, что с Псковом у Новгорода отношения были в четырнадцатом веке, мягко говоря, сложными, в-третьих, потому, что с Литвой и Ливонским орденом отношения были простыми и всегда плохими, в-четвертых, потому, что по берегам Шелони имелись большие залежи известкового камня – опоки, и в-пятых потому, что о каменную крепость врагам гораздо проще обломать зубы, чем о деревянную.

На старом месте строить не стали, а выбрали новое, неподалеку от старого, чуть ниже по течению Шелони. С запада место, на котором собирались ставить крепость, было прикрыто изгибом Шелони, с востока большим оврагом, который строители превратили в ров. С севера к крепости примыкала заболоченная низина, превращавшаяся в дождливое время в непроходимое болото. Стены крепости сложили, как уже говорилось, из местного известняка, скрепленного известковым раствором. Толщина их достигала двух метров, а высота – одиннадцати. В отличие от деревянной крепости, имевшей только одну надвратную башню, в новой каменной крепости их построили целых четыре – Среднюю, Псковскую, Малую и Никольскую. Высота башен доходила до семнадцати метров, и они были сильно вынесены вперед по отношению к стенам. Средняя и Псковская были полукруглыми, а Никольская, названная так потому, что рядом с ней в 1412 году построили церковь во имя Николая Чудотворца – прямоугольной. Въезжали в крепость как раз через эту башню. Вообще в крепости было два входа – через Никольскую и Псковскую башни. Оба входа снабжены рукавчатыми захабами – узкими коридорами, зажатыми между двумя стенами. Башни, в которых были устроены бойницы, имели несколько ярусов, разделенных деревянными помостами. Помосты, понятное дело, не сохранились, но о том, что они были можно судить оставшимся от балок гнездам в стенах. Ярусы соединялись лестницами. Средняя башня – шестиярусная. Бойницы расширялись и внутри, и снаружи, чтобы можно было вести веерную стрельбу. Башни такого устройства для третьей четверти четырнадцатого века были новаторскими не только для русской фортификации, но и для европейской вообще. В середине пятнадцатого века к Никольскому захабу пристроили бастею с Тайничными воротами и башней, чтобы сделать вход в крепость совершенно неприступным. Пристроили и пристроили, скажет читатель, который и знать не знает, что бастея – это промежуточный этап развития между крепостной башней и бастьоном, а хотя бы и знал... Ничего особенного в такой бастее нет. Вот только в Западной Европе при строительстве крепостей их стали использовать лет через сто – в середине шестнадцатого века, а в Порхове...

Конец четырнадцатого столетия для гарнизона порховской крепости прошел относительно спокойно, если судить по летописям. Только в так называемом Пискаревском летописце – летописи начала семнадцатого века, сказано, что за год до окончания века «убиен бысть князь Роман Юрьевич на Шолоне; и положено бысть тело его у святого Спаса в Порхове»⁷.

В первой четверти пятнадцатого века Порхов в военные сводки не попадал. Правда, мирная жизнь была ничуть не лучше военной. Три раза за двадцать пять лет приходила моровая язва, то есть чума. Под четыреста семнадцатым годом читаем в Новгородской летописи: «в то же лето бе

мор страшен в Новгороде, и в Ладоге, и в Руси, в Порхове, в Пскове и в Торжку, в Дмитрове и в Тфери... на всяк день умираху столько, якоже не успеваху погребати их, а дворов много затвориша без людей. Прже яко рогатеноу ударит и явится железа, или начнет кровию харкати и дрож иметь и огонь разжег по всем составом человеческим».

В двадцатых годах к чуме добавился еще и голод. В четыреста четвертом году великий князь московский и владимирский Василий Первый отдал Порхов вместе с дужиной других городов в кормление последнему смоленскому князю Юрию Святославичу. Смоленский князь, может, и сам прокормился бы в своем Смоленске, но оттуда его изгнала Литва. В июле четыреста двадцать восьмого года под стены Порхова она и сама пришла под предводительством великого князя литовского Витовта. Повод был – новгородцы, как когда-то посадник Евстафий, назвавший Ольгерда собакой, назвали Витовта изменником и бражником. Мало того, понадеявшись на непроходимые болота на пути к Новгороду, велели передать Витовту, что варят мед, готовясь к встрече с ним. Над поводом можно было смеяться, но только до того момента, как великий князь литовский появился со всем своим войском в новгородских землях.

Конечной целью похода Витовта был Новгород, но пройти мимо Порхова он не мог. Перед Порховом Витовт штурмовал деревянную крепость Вышгорода в полусотне километров южнее Порхова, сжег, разграбил и к Порхову подошел двадцатого июля. Каменную порховскую крепость было сжечь довольно затруднительно, да и порховичи не собирались сдаваться, но у Витовта уже была артиллерия. «...бяху же с ним и пушки и тюфяки, и пищали, едина же бе пушка с ним велика велми, Галка именем: везяху ее на сороце конех до полудне, а другую половину дни на иных сороцех же конех». Вот из этой средневековой гаубицы, а точнее, из бомбарды, которую до полудня тащили одни сорок коней, а после полудня другие, Витовт и решил выстрелить по порховской крепости. Такие бомбарды могли выстрелить ядром весом до сотни и даже более килограмм. К Галке в комплекте прилагался немецкий артиллерист Николай, заявивший Витовту: «Не токмо, княже, сею пушкою пиргос⁸ разобью, но и церковь иже Николу в граде раздражу». Церковь Николы была каменной, сложенной из того же известняка, что и стены.

Галка не подвела – ядро, выпущенное из нее, разрушило и башню, и пробило насквозь церковь, и упало... на лагерь осаждающих с другой стороны крепости, убив воеводу Полоцка: «И путивши ему ту пушку и пришед на той пиргос и вырази его из основания вон, а у церкви святого Николы переднюю стену проразил, тако же и заднюю в олтари, градные каменные зубцы срази и тако прииде на полки Витовтовы же, и уби воеводу Полоцкого и люди многи избил, а коней многое множество». Правда, первый выстрел из чудо-пушки оказался последним – ее разорвало пороховыми газами, а поскольку Николай стоял рядом с ней, то его «расторгну и размета невидимо где, яко ничтоже обретесе его, ни тело, ни кости, точию пол кафтана его сотася...».

На осажденных выстрел Галки произвел сильное впечатление. Настолько сильное, что порховские воеводы (посадник и тысяцкий) Григорий Посахно и Исаак Борецкий решили вступить с Витовтом в переговоры: «изыдоша из града и начаша бити челом Витовту со слезами, дающе с себя окуп». К переговорам подключились срочно приехавшие из Новгорода послы, среди которых был новгородский архиепископ Евфимий. Новгородцы попросили помощи и у псковичей. Псковская летопись об этой просьбе сообщает: «Новгородцы прислаша ко Пскову помощи просити противу Витовта, и Псковичи отрекаша: како вы нам не помогали, тако и мы вам не поможем; а еще межю нами крестное целование с Витовтом, что нам по вас не пособляти...». Правду пишет летопись – не помогали. За два года до осады просили псковичи помощи у новгородцев против Витовта, подступавшего к псковскому пригороду Опочке. Отказали тогда новгородцы.

Через восемь дней после начала осады был подписан мир с Витовтом, который обошелся Порхову в пять тысяч рублей серебром, столько же уплачено разбойнику Новгородом и дополнительно тысячу рублей за отпущенных пленных: «даша с себя окуп тысячу рублей Новгородских, и полон весь откупил у Витовта Архиепископ Новгородский Евфимий, дал триста рублей Новгородских; и даша серебром... и то серебро браша на всех волостех новгородских, и за Волоком, с

десяти человек по рублю. И рече им Витовт: се вам стало за то, что мя назвали есте изменником и бражником». Дорого обошлись Порхову и Новгороду длинные языки новгородцев.

Власти Новгорода выводы сделали, и через два года, как сообщает летопись, «...новгородци приставили к Порхову другую стену камену». Эта приставная стена была сделана почти по всему периметру крепости. Увеличили толщину не только стен, но и башен. Теперь, при толщине стен от четырех до четырех с половиной метров, выстрелы из крупнокалиберных пушек вроде Галки порховской крепости были не страшны. Вот только проверить это уже не пришлось. Больше к стенам Порхова враг с такой мощной артиллерией не подходил, а когда в конце пятнадцатого века Новгород взяла под свою руку Москва, Порхов оказался далеко от границы с Ливонией и перестал считаться пограничной крепостью⁹. Впрочем, до конца пятнадцатого века город еще успел навоеваться и в осаде насидеться. В четыреста тридцать шестом году порховичи вместе с жителями Старой Русы ходили по приказу Новгорода войной на Великие Луки и Ржевскую волость за то, что те перестали платить дань. Через пять лет великий князь Василий Васильевич, еще не ставший Темным, приказал Пскову идти на Новгород. Псковичи приказа не послушались и пошли, но прежде чем пошли, «отослаша к Великому Новгороду грамоту мирную и целование отказаша». Мимо Порхова они, конечно, пройти не могли. Взять они его не взяли, простояли под стенами трое суток, а пока стояли, как пишет летопись, «повоеваша Псковичи новгородские волости в долготу на 300 верст, в ширину на 50 верст от литовского рубежа и до Немецкого». Воскресенская летопись добавляет «...а Мятля убили Порховского». (Видимо, это был порховский воевода). Грабежами и убийствами дело не кончилось. Новгороду пришлось заплатить Василию Васильевичу восемь тысяч рублей, а Порхов был отдан в кормление воеводе князю Федору Бельскому. Через тридцать семь лет Великий Новгород окончательно потерял остатки своей самостоятельности и стал частью Московского государства.

Как только Москва прибрала к рукам Новгород со всем его движимым и недвижимым имуществом, со всеми его землями, городами, крепостями, боярами, боярскими детьми, крестьянами, попами, монахами, купцами, рыбными ловлями, торговым флотом, торговыми домами, лавками и лавочками, копнами сена, коровами, баранами, курами, яйцами – так с разу там появились московские писцы и стали описывать все, что нажили новгородцы за много веков своей самостоятельной республиканской жизни. Подати никто не отменял. Описали, и не один раз, Порхов вместе с порховскими пригородами или, как тогда говорили, околородьем.

Вот только один пример – опись доходов за 1498 год с четырех деревень Дубровенского погоста¹⁰ помещика Степана Пушкина в переписной оброчной книге Шелонской пятины¹¹, в которую территориально входил Порхов и его околородье: «А доходу с них емлет Степан денег 3 гривны, да 4 денги, 3 бораны, четверо куров, 4 сыры, 80 яиц, 6 пятков лну, а из хлеба четверть, а за четвертью поспом 4 коробы хмелю; а ключнику 4 овчины, 4 сыры, 4 горсти лну, 2 коробы ржи и овса». Не густо, конечно, с четырех деревень, но деревни эти были крошечные и в них проживало десять человек на пять дворов. Надо сказать, что ни в одном перечне доходов владельцев нескольких десятков деревень порховского околородья не найти гусей, уток и коз. Что касается коров, то они все же встречаются в описях, хотя и не очень часто, но не в живом виде, а в виде говяжьих лопаток. Сыр делают все, а вот масло встречается куда реже, но все же встречается. Считали его чашами – где четыре чаши, а где дюжина. Видимо, делали его из овечьего молока. Степану Пушкину было что намазать на хлеб и себе, и детям. Скорее всего, что-то оставалось и крестьянам. Почти не встречаются свиньи. Почти – это три борова на весь Дубровенский погост. Зерновые представлены большей частью рожью и овсом. Пшеница и ячмень встречаются куда реже, и уж совсем редко гречка – всего один раз.

К концу пятнадцатого века Порхов состоял из «города», который представлял собой крепость, и посада. В крепости находились Никольская церковь и два с лишним десятка дворовых мест, принадлежащих церковному начальству, сведенным новгородским боярам и детям боярским. Сведенным – значит тем, кого государь и великий князь всяя Руси Иван Третий взял и свел

не только из Порхова, но и из Новгорода, из других новгородских земель в Москву, в Кострому, в Тверь и в другие города Московского государства. Остались от них пустые дворовые места, которые пока зарастают травой. Что касается посада, то там располагался двор наместника, пять церковных и почти семьдесят черных дворов, то есть дворов тяглых посадских людей, обязанных платить тягло, то есть государственные подати, и выполнять государственные повинности. Кроме церкви св. Николая, имелся в Порхове Спасский монастырь и церковь Успения, которая со временем вырастет в женский монастырь Рождества Богородицы.

Через Порхов проходила дорога из Москвы в Польшу. У дороги всегда есть чем прокормиться городу или селу – то коня нужно подковать, то колесо у телеги поменять, то накормить проезжающих, то предоставить им ночлег, то одни товары обменять на другие. Правда, сел тогда было мало – все больше деревни, да и те уж очень маленькие – почти восемьдесят процентов состояли из одного, двух или трех дворов. Деревней тогда мог считаться и один двор, если только к нему был приписан отдельный участок земли. В порховском околородье, которое граничило с псковскими землями, насчитывалось почти полторы сотни поселений.

В первой половине шестнадцатого века сведений о Порхове в летописях почти нет. Разве что в пятьсот пятом году Иван Третий перечисляет среди других городов Порхов в завещании, да Сигизмунд Герберштейн в пятьсот семнадцатом году пишет в «Записках о Московии» буквально пять слов о том, что по пути в Москву проезжал через Порхов («город с крепостью, расположенный на реке Шелони»), да в пятьсот сорок пятом году в Разрядном и разметном списке о сборе с Новгорода и Новгородских Пятин ратных людей и пороха, по случаю похода Казанского, было перечислено все то, что Порхов и обязан поставить в царское войско.

Список того, что велено было поставить, сопровождает список порховских дворов, которые за это отвечали, и потому мы можем по нему представить себе хотя бы отчасти, какими были Порхов и некоторые погосты, составлявшие его околородье в середине шестнадцатого века.

«В Порхове тяглых дворов 68: а людей с них конных 14 человек, да пищальников 12 человек, половина конных, а другая пеших; а нетяглых дворов, двор наместнич, а с него 1 человек конной; а зелья со всех дворов, с тяглых и с нетяглых, 3 пуды и 18 гривенок болших. А церковных 5 дворов, двор попов, да дьяконов, да дьяков, да понамарев, да проскурницын: и с того с попова двора человек конной, да 2 гривенки болших зелья; а приняти ему в тягло, в того человека и в зелье, поповы дворы в Свиноретцком погосте, да в Опотцком, да в Местечком, да в Михайловском на Узе, да в Дубровенском погосте; а дьяконовы, и дьяковы, и понамареви, и проскурницыны дворы им в пособь. И по Микитину писму Владыкина да подъячего Богдана, тяглых живущих черных людей, с поповым и с дьяконовым 59 дворов, да воротниковых 4 дворы, да 5 дворов пищальничких: а с тех деи дворов, с попова и с дьяконова и с воротниковых и с пищальниковых, изстарины тянут всякое тягло с черными людьми, потому, что деи те дворы все стоят на черной земле на тяглой на посадкой и тянут с черными людьми. И всех дворов черных людей, и с поповым и с дьяконовым и с воротничкими и с пищальничкими, 68 дворов, и на те дворы положено конных людей 14 человек, да пищальников 12 человек, половина конных, а другая пеших; а нетяглых дворов, двор наместнич, да 2 двора городничих, а людей с них 3 человека; и всех дворов в Порхове, 71 двор. А зелья с тех со всех дворов в Порхове тяглых и не тяглых пол 4 пуда и 2 гривенки болших».

Вот и выходит, что жили в Порхове большей частью люди тяглые, или черные, и дворы у них черные, то есть не освобожденные от уплаты податей. Нетяглых, или, как тогда говорили, белых дворов всего три – двор наместника и два двора городничих. Да еще два церковных двора – двор пономаря и проскурницын. За какие заслуги дворы простого пономаря и человека, пекущего просфоры и артосы, освободили от податей, теперь уж не узнать.

Скажем несколько слов о погостах, принадлежавших порховскому околородью. Состояли они из множества деревень, а вернее, деревенок и даже хуторов. В начале шестнадцатого века в Порховском уезде насчитывалось 578 населенных пунктов. Почти восемьдесят пять процентов от этого числа составляли деревни, в которых было от одного до трех дворов. Чуть больше

тринадцати процентов – деревни с числом дворов от четырех до десяти, и всего два процента деревень, в которых имелось более десяти дворов. Населенных пунктов, состоящих из одного двора, было почти две с половиной сотни. Только представьте себе эти курные избы, стоящие на опушках дремучих лесов, на краю маленьких полей, засеянных рожью, овсом, ячменем, горохом и пшеницей. Представьте медведей, собиравших лесную малину вместе с крестьянскими детишками, представьте волков, завывающих зимними ночами сильнее, чем ветер, почувствуйте напряженное молчание овец и ягнят в хлеву... Кому они там молились, если до ближайшей церкви или часовни нужно было идти по лесам и болотам бог знает сколько верст? Поклонялись ли аистам, которых в этих местах множество, или медведям, или оставляли на болотных кочках глиняные плошки с настоеккой из мухоморов для болотных кикимор, или куриные ножки для Бабы-Яги, до которых она, как известно, большая охотница...

Вернемся, однако, к Казанскому походу. Собирали все для него тщательно. Увильнуть или поставить для войска меньше того, что велено, было никак нельзя. Жители Порхова, как сообщает писец, недодали две больших гривенки пороху. На наши деньги это восемьсот граммов. Так вот эти недопоставленные гривенки власти взяли деньгами: «И того зелья подъячей Якуш Кудрявец взял в казну 3 пуды и 20 гривенок, а за досталь зелья за 2 гривенки болших взяти денег 4 алтыны без денги; и посланы правити денег Иван Пустошкин да подъячей Постник Иванов, и те деньги Иван и Постник в казну заплатили». Еще и на полях листа писцом помечено: «Взято».

Казанский поход все же прошел вдалеке от Порхова и уезда, а вот Ливонская война, длившаяся четверть века, Новгородский и Псковский походы Ивана Грозного разгромили и разорили не только Новгород и Псков, но и все новгородские и псковские земли. Шелонской пятине, в которую, как уже говорилось, входили Порхов и его уезд, досталось и от Литвы, и от Польши, и от Швеции, но более всего от царских опричников.

В конце августа пятьсот восемьдесят первого года польско-литовское войско Стефана Батория осадило Псков. Осада была долгой и кровопролитной, но Псков Баторию не дался, несмотря на подкопы и многочисленные попытки штурма. Око видело, но зуб... Стояли поляки с литовцами, венграми, итальянцами, шотландцами, датчанами и немцами под псковскими стенами долго – полгода. За это время успели и обноситься, и издержаться, и оголодать. Стали рассылать фуражиров по окрестным селам и городам. Восемнадцатого сентября королевский секретарь Станислав Пиотровский записывает в дневнике: «Недалеко от Порхова, 8 миль отсюда, русские напали на обоз Пржиемского и захватили у него семь цугов с прислугою. Упаси нас, Боже, от этого. У старосты Слуцкого там же отнято 60 коней, а у Стадницкого – два цуга». Через три дня Пиотровский пишет, что пленные рассказывают: «7000 отборных татар и русских пошли под Порхов, который отсюда в 12 милях, жечь провиант и хватать фуражиров. Против них гетман выслал 450 человек конницы...». Конница вернулась ни с чем, поскольку татары от боя уклонились и отступили к Новгороду. В начале октября пан Троковский – один из полевых командиров Батория – двинулся из Торопца к Порхову. Читаем у Пиотровского: «Получено известие от пана Троковского, что он от Торопца прямо направился к Порхову; на пути имел стычку с 1500 русских, бывших под начальством князя Оболенского, который взят в плен; его отряд разбит и прогнан, люди разбежались по своему обычаю по недоступным болотам». Подойдя к стенам порховской крепости, Троковский простоял около них неделю. Артиллерии нужного калибра у него не было, да и вообще в те времена пробить стены четырехметровой толщины могла далеко не всякая пушка. Вернее, почти никакая. Брать Порхов штурмом он не решился, а вместо этого разграбил все, что мог разграбить в порховской округе. Вернувшись в лагерь под стены Пскова, пан Троковский, по словам Пиотровского, «говорил, что около Руссы, за Порховом, деревни так густы, как в Мазовии и так велики, что в каждой может найти кров не одна тысяча солдат; он видел там такие большие скирды ржи, ячменя и овса, что человек едва в состоянии перебросить через них камнем; наконец, если бы не достало овса или ячменя, то лошадей можно будет кормить рожью». Это он, мягко говоря, преувеличивал. К концу Ливонской войны эти места были страшно разграблены

и разорены¹². Порхов в дневнике Пиотровского упоминается еще один раз, в начале декабря. По пути на мирные переговоры три десятка кавалеристов, сопровождавших польских послов, близко подъехали к порховской крепости, и «тут-то произошла схватка с 80 русскими всадниками и 200 пехоты. Наши атаковали их; нескольких убили и на плечах бежавших ворвались в крепостные ворота». Дальше ворот полякам прорваться не удалось – «открылась страшная пальба из крепости». Иезуит Антонио Поссевино, ехавший вместе с польской делегацией, пытался остановить обстрел, показывая защитникам крепости охранные грамоты «с листами в руках делам им знаки», но порховичи со стен разглядеть, что там написано в грамотах, не могли, а хотя бы и могли... Сам Поссевино в своих записках об атаке польской кавалерии не упоминает, а только пишет: «... когда мы проезжали мимо Порхова, жители встретили нас сильным обстрелом железных ядер с башен». И то сказать – как их прикажете встречать? С хлебом и солью тогда были большие трудности, но порох в пороховницах имелся, а к нему ядра и пушки. Что под рукой было – тем и встретили.

Начало семнадцатого века Порхов встретил, как другие города русского северо-запада, между двух огней... вернее, посреди пожара. С одной стороны поляки с литовцами, с другой стороны шведы, с третьей стороны второй Лжедмитрий, с четвертой казаки, а с пятой просто лихие люди, которых в псковских лесах развелось видимо-невидимо. Смута...

Поначалу жители Порхова и его уезда признали власть второго Самозванца. В конце шестисот восьмого года часть войск тушинского полковника Яна Кернозицкого под командой Тимофея Рогалева отправилась к Порхову и, как писал потом, спустя несколько лет, священник порховской Никольской церкви Иван Григорьев «...запустел Порховский посад от воровских и литовских людей приходу и тому пятый год с воровского Тимохина прихода Рогалева...». Под командой Рогалева были казаки, а уж от них ничего хорошего ждать не приходилось. Через несколько месяцев, в начале шестисот девятого года к Порхову пришли воеводы князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и сумели город и уезд очистить от сторонников Самозванца. В крепости остался гарнизон под командой воеводы князя Ивана Афанасьевича Мещерского. Сторонники Тушинского вора, само собой, предприняли попытку отвоевать Порхов, но... стены крепости были толстыми, гарнизон хорошо вооружен и защищался умело. Попытка не удалась.

Князь Мещерский не один руководил обороной Порхова от тушинцев. Ему помогал воевода Федор Облезлов Воронов и местные помещики – братья Шаблыкины и Никита Щелепин. Медалей и орденов за участие в боевых действиях тогда не давали, а вместо них прибавляли содержание – как хлебное, так и денежное. Боярскому сыну Максиму Харламову, раненому при обороне Порхова, прибавили оклад «за Новгородскую и Порховскую службу и осадное сидение и за рану».

В мае шестисот девятого года под стены Порхова прибыли русские и шведы во главе с Якобом Делагарди – на то время союзниками царя Василия Шуйского. Они разгромили отряд тушинцев, осаждавших город. Русские силы возглавляли воевода Лазарь Осинин и казачий атаман Тимофей Шаров. Осинин командовал дворянами и детьми боярскими, а Шаров казаками. Скопин-Шуйский отчитывался об этом походе царю: «И Майя же, Государь, в 11 день писали ко мне, холопу твоему Лазарь Осинин да Тимофей Шаров, что они, сослався с Порховскими осадными людьми со князем Мещерским с товарищи, пришли на воров безвестно, Майя в 8 день, и Божию милостию, а твоим Государевым счастьем, воров под Порховом побии наголову и набаты и знамяна и коши воровские поимали все, и топтали их на пятнадцати верстах, и взяли их на том бою Литовских и Русских воров живых 180 человек...».

Как только с Порхова осада была снята – так сразу Скопин-Шуйский приказал Осинину, Шарову и «порховским осадным людям» под командой князя Мещерского идти на Псков, присягнувший Тушинскому вору. Новгород на протяжении шестисот девятого и десятого годов неоднократно пытался прибрать к рукам Псков, и Порхов, находившийся между ними, был удобной промежуточной базой для таких походов. Вместе с порховичами в них принимали участие и некоторые жители Пскова, временно жившие в Порхове или в Новгороде из-за того, что не желали

присягать Тушинскому вору. Иногда такие визиты под стены Пскова превращались в посольства, но чаще, как сообщает Псковская летопись: «...приходят Новгородцы с немцами и с Псковскими детми боярскими, что на масленицы отъехали из Пскова, и стада коровы отгоняют, часто изгоном, из Порхова приезжая, крестьян много в полон емлют, и хлеб всякий травят, косят и кормят и многие шкоты чинятся от них Псковичем и побили многих... и прочь пошли; и всего зла их не можно переписать за множество». Под немцами тогда подразумевали всех иностранных наемников, включая, в первую очередь, шведов.

Тот поход воеводы Осинина, атамана Шарова и князя Мещерского успеха не достиг. Не достиг успеха и поход на Псков князей Долгорукого и Волконского, которых послал Василий Шуйский в начале лета шестьсот десятого года. То есть сражение у Пскова они устроили, псковичей многих поубивали, царь, перед тем как его свергли, успел наградить отличившихся, но тут выяснилось, что в Великих Луках, от которых рукой подать до Порхова, появился Александр Лисовский со своими лисовчиками – разбойниками, по сравнению с которыми казаки просто ученики младших классов школы разбойных нападений с целью хищения личного имущества. Лисовский был не один, а с казачьим атаманом Андреем Просовецким и его казаками. Взять штурмом крепость они не сумели, но разграбить порховский посад и южные погосты порховского уезда смогли. Узнав о том, что Лисовский и Просовецкий находятся в районе Порхова, князья Долгорукий и Волконский прекратили осаждать Псков и поспешили к Порхову. К счастью для Порхова, в это же самое время Лисовского попросили о помощи псковичи, и он двинулся к Пскову.

Все эти события происходили летом шестьсот десятого года, а уже осенью, после того как тушинские бояре отправили посольство к польскому королю Сигизмунду Третьему, после того как боярин Михаил Глебович Салтыков по прозвищу Кривой, стоя перед королем, сказал «...и на все великие государства Российского царства просим вашей государской милости, абы ваша государская милость на тех великих и преславных государствах учинил великим господином царем и великим князем, всяя Руси самодержцем своего Владислава королевича нам милостивым и щастливым государем...», после того как русское-шведское войско под командой Дмитрия Шуйского и Якоба Делагарди наголову разбила коронная кавалерия гетмана Жолкевского и после того как Василия Шуйского свергли, Порхов вслед за Новгородом признал власть королевича Владислава.

В то время в Порхове воеводой был Неудача Федоров сын Шишкин, а городовым приказчиком, то есть тем, кто исполнял обязанности городничего, Федор Олферьев Облезов Воронов. Тогда же в Порхов прибыли для несения службы астраханские стрельцы. Прибыли они из Новгорода в составе отряда, которым командовал Иван Михайлович Салтыков – сын того самого Михаила Глебовича Салтыкова. Сколько их было, никто не знает, но сохранилась запись о том, что Салтыкову для них было выдано три ведра вина.

В конце декабря шестьсот десятого года в Порхов из Новгорода, куда он ездил торговать, возвратился посадский человек Микитка Макарьев. У Микитки был хороший слух, и в Новгороде он слышал, как совершенно незнакомые люди, проходя мимо него, говорили о том, что «Литовские люди с Рускими людьми на Москве меж себя побиваются». К несчастью, у Микитки кроме хорошего слуха был еще и длинный язык, который довел его дома до тюрьмы, где его по приказу порховского начальства пытали и спрашивали имена и фамилии незнакомых людей, разносящих по улицам такие слухи. Бедный Микитка не сказал ничего, поскольку, скорее всего, и сам не знал. Отправили его в Новгород и там посадили в тюрьму, откуда он написал дошедшую до нас челобитную самому королевичу Владиславу: «...за приставом живот свой мучу две недели и помираю голодной смертью». Королевич ее так и не прочел, а хотя бы и прочел... К весне одиннадцатого года Новгород был захвачен шведами, которыми командовал Делагарди, и королевич Владислав, даже если бы и хотел, никак не мог облегчить участь Никиты Макарьева.

Новгородский митрополит Исидор освободил жителей Новгорода, Порхова и других новгородских пригородов от присяги Владиславу, а уже в августе шестьсот одиннадцатого года порховичи привели к присяге шведскому королю Густаву Адольфу. Порховичи без сопротивления

пустили в крепость шведов. Оно и понятно – шведский отряд под командой Эверта Горна сопровождал хорошо знакомый гарнизону крепости и горожанам воевода князь Иван Мещерский, да и сам Горн два года назад принимал участие в разгроме тушинцев, осаждавших порховскую крепость¹³. С августа шестьсот одиннадцатого года шведы стали накапливать в порховской крепости запасы продовольствия и вооружений, необходимые им для походов на Псков. Воеводой в Порхове стал шведский наемник – француз Jacob Bourgia de Corobell. В документах, написанных по-русски, он значится как Яков Бурьин Декорабел. Иногда в документах писали почти по-русски – Карбел Яковлевич. У него под командой было сто двадцать французских кавалеристов¹⁴. Иван Мещерский с небольшим отрядом стрельцов и детей боярских был у Коробелла в подчинении. Жизнь у гарнизона крепости была беспокойной – то они идут под стены Пскова воевать, то псковичи придут под стены Порхова с той же целью¹⁵, то в отсутствие шведов, осаждавших Псков, набегают литовские разбойники и разоряют посад, но крепость им не дается.

Осенью одиннадцатого года дьяк Томилко Ондронов записал в дозорной книге: «...в городе Порхове за рекой на посаде все двory выжжены, а ныне посадские люди ставятся ново». В уезде положение было ничуть не лучше, и все это при том, что нужно было содержать гарнизон крепости. Той же осенью на Порхов напали казаки Подмосковного ополчения атамана Заруцкого и князя Трубецкого. Мало того, что они угнали скот у жителей порховского посада, так они еще и разорили только что построенные дома. Пришлось посадским людям переселяться в город и жить там «по клетушкам и по ямам во дворах у дворян и кормиться наймом». И это, увы, не все. Порховское околородье страдало от набегов казаков окопавшегося во Пскове вора Сидорки – он же третий Лжедмитрий.

Собирать пропитание для французов и стрельцов никто не рвался. Порховские помещики уклонялись от этой обязанности как могли. Некоторые из них, уже уехавшие из своих поместий в Псков, Новгород или куда глаза глядят, и своим крестьянам советовали разбежаться, «чтобы им ратных немецких людей впредь не кормить». В январе шестьсот двенадцатого года литва в очередной раз разграбила порховские погосты. Порховские кормовые сборщики Петр Ногин и Сергей Константинов в своей челобитной о сборе кормов порховским ратным людям пишут, что в Михайловском погосте не нашли ни одного живого человека, а только увидели большое количество убитых крестьян.

Сохранилась челобитная шестьсот двенадцатого года от порховских посадских людей новгородскому начальству – Делгарди и воеводе Ивану Никитичу Одоевскому о том, чтобы «собирали кормы на немецких людей не с города, а с уезда», в которой они писали: «...мы, ваши сироты с Покрова святых Богородицы в Порхове на немецких людей пива варили, вино курили, хоромы и конюшни ставили и поделки всякие поделываем, и мелем, и толчем, и хлеба печем».

Воевода Мещерский, чтобы хоть как-то оживить городскую жизнь и собрать денежное жалованье гарнизону, раздал пять участков земли на посаде желающим заняться ямской гоньбой. Там же, на посаде, поставили кабак. Он приносил доход, который шел на выплату жалованья французам Коробелла и стрельцам Ивана Мещерского. Вот только доход был так мал, что на выплату жалованья его не хватало. Воеводы Мещерский и Тимашев писали новгородскому начальству, что «кабачных денег почти нет», а Коробелл... Коробелл требовал денег и продуктов. Его французы были не так терпеливы, как русские стрельцы. Порховский стрелецкий пятидесятник Митька Ильин, десятичники Дружина Сидоров, Андрей Обросимов, Матвей Федоров – все писали челобитные новгородскому начальству с просьбой дать денег на пропитание, а новгородское начальство... спрашивало у воеводы Мещерского – выплачено ли стрельцам жалование из местных доходов. Стрельцов, кстати, было не так уж и много – сорок три человека. Частью из Новгорода, а частью из Пскова.

В это же самое время поместья Мещерского в Порховском уезде разграбили «воровские люди» приходя нарочным большими посылками из Пскова и литовские многожды люди то князь Ивану Поместье Офонасьевича Мещерского вывоевали до основанья, крестьян многих побили, а

иных мучили и жгли и живот у них всякой поимали и деревни сожгли». Можно сказать, что и весь Порховский уезд «вывоевали до основания». Те из крестьян, кто мог убежать – убежали в Псков и в Новгород. Разоренные «в государевой пене сидят в тюрьме, а жены их волочутся меж двор». Помещики появляться в своих разграбленных поместьях не спешили. Часть из них осела в Порхове и «за побитых и разоренных и беглых крестьян за пустые участки государевы подати и немецкие кормы платят помещики сами... живучи в Порхове сами платят своими головами».

Военные действия при этом никто не отменял. Летом шестьсот двенадцатого года порховским стрельцам трижды пришлось вместе со шведами и их новгородскими союзниками ходить под стены Гдова. В середине июля Гдов был взят, псковичи, разочаровавшись в третьем Лжедмитрии, схватили и отправили его в Москву, но им самим крепко досталось от шведов. Между командирами Нижегородского ополчения и властями Новгорода Великого были заключены мирные соглашения, черкасы, то есть казаки, присоединились к гетману Ходкевичу и пошли в поход на Москву. В Порховском уезде на какое-то время стало тихо. Немедля новгородские власти озаботились сбором кормов. Порхов был назначен одним из мест сбора кормов и кормовых денег. Можно представить, как этому обрадовались многократно ограбленные красными, белыми и зелеными поляками, литвой, казаками и шведами крестьяне. В дальних от Порхова погостах собирали только деньги. На эти деньги для порховского гарнизона покупали ржаную муку, рыбу, масло, овес, солод, хмель, вино, соль, баранов и кур. Новгородское начальство предусмотрело наказания для тех крестьян, которые наострят лыжи в лес или попросту откажутся платить: «...на тех ослышников имати окольных погостов сторонних людей, сколько человек пригоже, да с теми людьми тех ослышников имати и приводити на стан, и Немецкие кормы править на них нещадно по росписи сполна». Нещадно... Ну, а тем, кто вздумает сопротивляться, да еще и руку поднимет на сборщиков – тем обещали присылку «из Порхова Руских и Немецких людей на многих подводах и велят те кормовые денги и прогоны доправить на прикашиках и на старостах, и на всех крестьянах вдвое, да им же быти Королевского Величества Новгородского государства от бояр в великой опале и в казни». В том, что будут доправлять и доправлять вдвое, мало кто из избираемых сомневался, и потому старосты и целовальники пытались со сборщиками договориться, а проще сказать – давали взятки за то, чтобы они проходили мимо или хотя бы забирали не все, что забирается. Начальство и это предвидело: «...промышляти и правити неоплошно и никому ни в чем не норовити и от того посулов и поминков не имати, чтоб за тем Немецкие кормы не стали». Больше всего новгородское начальство боялось бунта голодных наемников. Потому и кормы Немецкие. Бунта русских стрельцов начальство не опасалось.

Все же кое-что у крестьян оставалось, и этим кое-чем жители Порхова и уезда вовсю торговали с Псковом. Торговали тайно, поскольку тогда Псков был врагом Новгорода. В этой контрабандной и процветающей торговле самое деятельное участие принимали жители Карачуницкого и Михайловского погостов Порховского уезда, а также... порховский воевода князь Иван Мещерский. Как всегда, нашелся человек, с которым не поделились, сообщивший об этой торговле куда следует. Вернее два человека – князь Белосельский и второй порховский воевода Степан Тимашев, сообщившие в Новгород об этой незаконной торговле в середине января шестьсот тринадцатого года. В ходе следствия выяснилось, что князь Мещерский с одной стороны этой торговле не препятствовал и даже наоборот, а с другой... конфисковал контрабандные товары не без пользы для себя. В этом деле интересен не сам факт контрабанды и не то, что главным контрабандистом оказался порховский воевода – дело это житейское, обычное среди наших воевод. Интересен здесь перечень контрабандных товаров, по которому можно судить о том, чем занимались крестьяне Порховского уезда в начале семнадцатого века. Только у одного крестьянина-контрабандиста люди Мещерского изъяли и увезли в Порхов шкурки тридцати двух норок, двух красных лисиц, выдры, четырех куниц, тридцати белок, тринадцати горностаев, а еще тридцать две связки льна и три десятка связок пеньки. Выходит, что в начале семнадцатого века в лесах вокруг Порхова водились не только самые обычные белки с лисицами, но и куницы, и даже горностаи. Рожь, овес, ячмень не продавали – самим бы прокормиться, да еще и наемники...

Для сообщившего куда следует Степана Тимашева это дело кончилось тем, что его перевели воеводой в Старую Руссу. Оно и понятно – отношения с Мещерским у него стали, мягко говоря, натянутыми. Вторым воеводой прислали Ивана Крюкова, по совместительству помещика Порховского уезда. В июне шестьсот тринадцатого года Мещерский отправился во главе отряда новгородцев к Тихвину, а Крюков остался в Порхове первым воеводой. Вторым поставили Матвея Львова. У нового воеводы отношения со шведами и с новгородским начальством не заладились. Да и как им заладиться, когда новгородские власти постоянно требовали то людей на строительство дороги из Новгорода в Ивангород, то подьячие понаедут для очередного сбора денег и хлеба, телеги им подавай, чтобы отвезти хлеб из Порхова в Ивангород, когда в самом Порхове с хлебом дело обстояло хуже некуда. Крюков эти указания выполнял плохо, а людей на строительство и вовсе не послал. С хлебом же и вовсе получилось все хуже некуда. Большую часть его из Порхова вывезли в Ивангород, а то, что осталось в житницах порховской крепости, Коробелл опечатал своей печатью и голодным стрельцам выдавать отказался. Хлебный запас этот, по его словам, предназначался в случае осады для его французских наемников. В июне шестьсот тринадцатого года Новгород приказал стрельцам рожь не давать, а вместо нее выдавать овес, но в полтора раза больше. Питаться овсянкой... стрельцам... Крюков и Львов отправили стрельцов молотить рожь в Дубровенский погост порховского уезда. Всю намолоченную рожь раздали стрельцам, но ее было слишком мало. Воеводы били челом новгородским боярам, писали, что стрельцам нечего есть и они хотят идти в Новгород. Стрельцы в Новгород не пошли. Они остались в Порхове и вместе с порховскими помещиками, проживающими в городе, присоединились к заговору, который возглавил Иван Крюков.

Оно и началось двадцать второго июля шестьсот тринадцатого года, аккуратно на следующий день после того, как в Москве венчали на царство Михаила Романова. Перед этим в мае от шведов был освобожден Тихвин, причем почти весь шведский гарнизон, составлявший сто двадцать человек, был уничтожен; перед этим в начале июня от шведов очистили Гдов, причем шведы, как писал в своей «Истории десятилетней шведско-московитской войны» Юхан Викинд, «покинули городские стены и позорно побежали по окрестным лесам, предав крепость и их командира псковичам»; перед этим воевода Крюков тайно переписывался с псковским воеводой князем Иваном Федоровичем Хованским; перед этим Крюков и стрелецкий сотник тайно отправили гонцов в Псков, прося о присылке отряда для помощи при захвате крепости. В скобках заметим, что Псков очень хотел овладеть порховской крепостью еще и потому, что в ней хранилось большое количество конфискованных в свое время князем Мещерским контрабандных товаров.

Не нужно думать, что Коробелл сидел сложа руки и не готовился к такому развитию событий. Семь русских воевод и детей боярских француз держал в крепости в качестве заложников. При себе он держал и ключи от крепостных ворот и складов с продовольствием, отняв их у Крюкова. Охрану крепости усилили. О том, что произошло в Тихвине и Гдове, шведы уже знали.

В ночь перед восстанием двадцать шесть порховских стрельцов сбежали из крепости. Князь Хованский для поддержки восставших прислал из Пскова отряд казаков в четыре сотни человек, которые не без помощи воеводы Крюкова захватили порховский посад и острог сожгли. Крюков «дворян и детей боярских и всяких людей с Григорьем Щеголевым сговорили и к государеву крестному целованию привели».

Увы, этот успех был первым и последним. Порховскую крепость было не так-то просто взять штурмом или осадой. Хлеба и боеприпасов в ней имелось предостаточно, в воде осажденные не нуждались, поскольку она из Шелони по двум тайным трубам шла к колодцу внутри крепости, и, самое главное, Яков Бурьин Декорабел был опытным командиром и сумел организовать оборону крепости так, что все атаки повстанцев гарнизон отбил.

В середине сентября в Порхов вернулся из-под Тихвина князь Иван Мещерский, который привел с собой отряды французской и финской пехоты. Псковичам и примкнувшим к ним порховичам пришлось ретироваться. Блокада крепости была снята. Сын Ивана Крюкова попал в плен к

шведам. Часть помещиков порховского уезда ушла с псковичами, и их поместья, и без того ограбленные и разоренные, Новгородские власти немедленно конфисковали. Сожженный порховский посад так и не был восстановлен. Вплоть до шестнадцатого года псковичи время от времени приходили к стенам крепости и пытались ее захватить, но всякий раз безуспешно.

Теперь дадим слово голландскому послу Альберту Иоахими, проезжавшему через Порхов в октябре шестсот пятнадцатого года: «29-го октября прибыл я в Порхов, маленький городок, с каменными стенами, принадлежащий к большому воеводству Новгородскому... Город сей населен Русскими, кроме гарнизона, который содержится королем Шведским под командою Немецкого губернатора. Прежде в нем было значительное укрепление, где жило много купцов и крестьян, ибо окружающие его поля весьма приятны и плодородны. Вышеупомянутый князь Иван Никитич Мещерский¹⁶ прислал мне чрез своего сына 3 бутылки водки и две корзины, одну с белым, а другую с ситным хлебом. Когда я отдал ему визит, то при приходе и уходе моем он дал мне случай увидеть хозяйку (жену) свою и поговорить с нею; это у Русских почитается за самую большую честь, которую они могу оказать друзьям своим». То-то и оно, что до Смуты жило много купцов и крестьян, а теперь... Как, спрашивается, там жить, когда весь посад сожжен и разграблен. Как торговать, если за ворота крепости опасно выезжать без вооруженной охраны. Вот как описывает Альберт Иоахими свой отъезд из порховской крепости в Старую Руссу: «1-го ноября я уведомил товарищей моих, что отправляюсь в этот день из Порхова в Старую Руссу. Гг. градоначальники, князь Иван Никитич и дворянин Лаврентий Грасс, проводили меня со многими дворянами и боярами на полмили за город. Из конвоя, пришедшего с нами из лагеря, пошло далее со мною не более одной полуроты рейтаров, из коих 40 человек оставили нас в 2-х милях за Порховом. Дорога была небезопасна для малочисленного войска и путешественников, не хорошо вооруженных. На этой самой неделе шиши¹⁷ захватили в этой местности 4-х рейтаров, посланных военачальником¹⁸ с письмами. Они связали им руки на спину, отрубили им головы, а двум слугам сих рейтаров велели бросить между собою жребий, кому из них придется рубить голову другому».

Коробелл зимой четырнадцатого года оставил Порхов и со своим отрядом, вместе с отрядом другого француза на шведской службе, Пьера Делавиля, пошел осаждать Псково-Печерский монастырь. Монастырь оказался им не по зубам. Коробелла ранили и, видимо, серьезно, поскольку после похода он вышел в отставку и уехал из России. Перед тем как отправиться в поход, шустрый француз успел часть конфискованных Мещерским псковских товаров продать, а самые ценные увез с собой. Делаویل вернулся в Порхов, забрал своих людей, находившихся там на излечении, и отправился в Новгород. Князь Иван Мещерский оставался на воеводстве в Порхове до шестнадцатого года, но реальной власти не имел – все решения принимались шведскими комендантами. Численность шведского гарнизона в начале четырнадцатого года составляла сто сорок человек. Всех их порховичи должны были кормить и выплачивать им денежное содержание. Неурожай, падеж скота и почти никогда не прекращающиеся боевые действия ни шведским комендантом, ни новгородским начальством в расчет не принимались. Порховичи Матвей Евреев и Гаврила Шаблыкин жаловались в Новгород: «...а ныне в Порхове на коровы падеж, коровы все померли... а как было сенокосное время, в те поры литовские люди не выходя воевали, и в ту пору сена косить не дали, а сена кошены подосене и в дождевье... а рожь на полях морозом побило, крестьяне возят муку морозибитну и черну, а немецкие люди тое муки не емлют, а прошают белые муки».

В шестнадцатом году наконец решился вопрос с заложниками, которых содержали в порховской тюрьме. Семью воеводы Ивана Крюкова шведы освободили при посредничестве английского посла Джона Меррика. Увы, жена Крюкова, Оносья, к моменту переговоров о судьбе заложников уже умерла. Освободили сыновей и дочерей воеводы. Самого воеводу в феврале четырнадцатого наградили: «...велено давать к прежнему окладу, к 40 рублям, 5 рублей», а в апреле этого же года «за порховскую службу придачи 12 рублей дано». Участнику порховского восстания стрелецкому сотнику Григорию Щеголеву «за псковскую и гдовское осадное сидение за порховскую службу велено давать из чети вновь по 7 рублей».

В феврале шестнадцатого года Москва заключила со шведами перемирие до 1 июля. Летом шведы в который раз попытались овладеть Псковом. Порхов в этом походе участия не принимал. Может потому, что шведы наступали на Псков со стороны Нарвы и Гдова, а может потому, что у порховского гарнизона и своих проблем хватало. Усилились и участились набеги казаков из Пскова. Дело дошло до того, что шведский комендант Порхова Геннинг Грасс в апреле шестнадцатого года жаловался псковским воеводам на то, что порховский помещик Иван Косицкий, по всей видимости живущий в Пскове, со своими людьми приходит к Порхову «...и ходя ворует, православных крестьян мучает, побивает и грабит»¹⁹. Псковские воеводы посоветовали Грассу «тех воров иметь и казнить». Можно себе представить, как смеялись воеводы, когда писали ответ Грассу. Попробуй поймай, как же. Еще и приписали, что: «Мы велим тем вора по сыску наказание учинить за их воровство, не для твоего письма, но чтоб иным вора неповадно было воровать и государя нашего, его царского величества земли пустошить и крестьян побивать и грабить». Не для твоего, стало быть, письма, басурман. Да, кстати, не забудь, что земли эти государя нашего, его царского величества.

Многажды ограбленное и побитое окрестное население прокормить гарнизон не могло. Партизанами под Порховом было перехвачено и отправлено в Москву письмо Делагарди Грассу о том, что помочь снабдить порховский гарнизон провиантом он никак не может, поскольку в самом Новгороде с этим провиантом дела обстоят не так хорошо, как хотелось бы.

К концу августа шестьсот шестнадцатого года стало ясно, что шведам не видать Пскова как своих ушей. Шведский фельдмаршал Гюлленельм писал Делагарди, что нужно срочно начинать переговоры с русскими о мире. Переговоры начались в октябре. Двадцать седьмого февраля шестьсот семнадцатого года они завершились подписанием Столбовского мирного договора. По второй статье договора шведы возвращали Москве Великий Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу и Гдов вместе с их областями, а также Сумерскую волость. Делагарди дал указание Гюлленельму, чтобы тот в течение двух недель без задержек сдал указанные города уполномоченным русского царя. По десятой статье договора шведы могли оставить себе все то, что они вывезли из наших городов до двадцатого ноября шестнадцатого года, а то, что не успели вывезти, то... опоздали. И с конца ноября по середину марта шведы лихорадочно вывозили все, что могли. Порхов, можно сказать, отделался легким испугом – под чутким руководством Геннинга Грасса шведы украли два колокола и две пушки. В мае семнадцатого года русский посол князь Данила Мезецкий, подписывавший Столбовский договор от России, писал шведам: «А ныне писали к нам, великим послам ...из Порхова приказные люди, что после договору ...из Порхова сослал воевода Генникрас в Свею в декабре месяце два колокола Михайловского погоста с полоном, вымуча на дворцовом крестьянине на Нестерке, да з города с стены два колокола, да в генваре месяце сослал в Свею ж две пушечки полковых». Через год, при ратификации договора в Стокгольме, русские послы снова напомнили шведам о порховских колоколах и пушках, но... и *лежечки* пушечки полковые с колоколами не нашлись, и осадка осталось столько...²⁰

Передавали Порхов людям из Москвы в марте семнадцатого года. Какого числа неизвестно, но точно не позднее двадцатого марта, поскольку до двадцатого марта порховичи кормили шведский гарнизон. Геннинг Грасс и князь Иван Мещерский передали ключи от города новому воеводе Игнатию Харитоновичу Харламову. Прошлись ли шведы в парадном строю перед Харламовым, был ли праздничный салют из крепостной артиллерии и перезвон колоколов на колокольне Никольской церкви – мы не знаем. В освобожденный от оккупантов Порхов стали возвращаться убежавшие в Псков или в Москву помещики. Никто не боялся этого делать, поскольку русские послы привезли в Новгород царскую грамоту, в которой было написано: «Мы Великий Новгород от неверных для того освободили, чтобы вас всех православных христиан видеть в нашем царском жалованье по-прежнему, а не для того, чтобы наши царские опалы на кого-нибудь класть»²¹.

Смута закончилась. Начался мир. Тот, который тогда ~~как и сейчас~~ был не столько мир, сколько отрезок времени между войнами. На год окончания Смуты в порховском гарнизоне под началом

воеводы Игнатия Харламова, как свидетельствуют Разрядные книги, служило девять детей боярских Шелонской пятины, полсотни стрельцов и одиннадцать человек посадских. Через восемь лет, в шестьсот двадцать пятом году дворян и детей боярских дюжина, пушкарей, затинщиков²² и воротников тринадцать, полсотни стрельцов, включая сотника, и «всего в Порхове всяких людей 75 человек». И через год, и через два года численность гарнизона практически не изменилась. В середине семнадцатого века... то же самое. Заглядываем в «Роспись, сколько Новгородские Четверти в городех служивых людей и всяких оборотчиков, и сколько им государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси жалованья по окладу, и кому сколько дают» и видим, что гарнизон порховской крепости в шестьсот сорок восьмом году был невелик – полсотни стрельцов под командой сотника. Сотнику полагалось десять рублей годового жалованья, а пятидесятнику всего два рубля с полтиной. Десятникам по два рубля с четвертью, а рядовым стрельцам по два рубля. Деньги, прямо скажем, небольшие и очень, но в дополнение к денежному довольствию полагалось еще и хлебное. Давали рожь, ячмень и овес. Двум пушкарям и двум воротникам давали только хлеб по шестьсот килограммов ржи каждому, а денег и вовсе не давали. На государственной службе состояли еще два человека – подъячий в съезжей избе и сторож, охранявший эту самую избу. Подъячему полагалось годового жалованья шесть рублей без хлеба, а сторожу только шесть четей ржи и ни копейки денег²³. На вооружении у крепости имелось три полуторных длинноствольных пищали, стрелявших ядрами весом до двух с половиной килограммов, двадцать восемь пищалей затинных, стрелявших железными или свинцовыми пулями диаметром до двух с половиной сантиметров, две тысячи железных ядер, большой запас свинца и пороха. На случай осады в крепости хранились запасы ржи и ячменя.

Через два года после составления этой Росписи, ровно в середине семнадцатого века в Пскове начался хлебный бунт, вызванный резким повышением цен на хлеб. Цены, может быть, и не повысились бы, кабы царское правительство не решило, что наши долги Швеции будут погашены зерном. Долги эти остались еще со времени заключения Столбовского мира в шестьсот семнадцатом году. Россия обязалась выплатить Швеции двадцать тысяч рублей за русское население, перебравшееся из областей, отошедших по договору Швеции, в Россию. Как на грех перед этим решением случился неурожай, но царь на то и царь, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. В Псков был послан гость Федор Емельянов с приказом задешево скупить местную рожь. Тут все и началось. Псковичи потребовали от воеводы Собакина задержать вывоз ржи, воевода отказался, и в феврале шестьсот пятидесятого года началось восстание. В марте к нему присоединился Новгород, а за ним почти все псковские и новгородские пригороды, включая Порхов. Дорога между Новгородом и Псковом, на которой стоял Порхов, а также дороги Порховского уезда контролировались партизанами, которые без устали разоряли и жгли помещичьи усадьбы.

Новгородские дворяне и дети боярские, пострадавшие от партизан на дорогах Порховского уезда, писали в своей челобитной царю: «А которые, государь, дворяня и дети боярские и всякие жилецкие люди Новгородского и Порховского уезду... где нам было можно запасу купить, и в те места выпущены изо Пскова воры многие с уезными шишами воровать, и дворян и детей боярских и всяких жилецких людей села и деревень пожгли, матери, и жены, и дети их позорили и замучили, и домы и животы их пограбили, и людей и крестьян их побивают а иные их многие люди и крестьяня от такова розоренья врознь разбрелись». Тем из дворян и ратных людей, кого порховские шиши брали живыми в плен, приходилось совсем плохо: «А которых, государь, нас, холопей твоих, и всяких ратных людей и людишек наших на боех и на дорогах живых емлют и приводят во Псков, а во Пскове их мучат всякими розными пытками, а которых, государь, нас, холопей твоих, и всяких ратных людей на боех побивают, и над теми убитыми людьми поругаютца: груди спарывают, очи закрывают, и всякое многое поругателство чинять».

Новгородский воевода послал в осажденную порховскую крепость, в которой скопились женщины из дворянских усадеб, большей частью женщины и дети, подкрепление – полсотни стрельцов. Порховские целовальники в октябре писали, что партизаны «от Порхова всего в две верстах

и дворянских и детей боярских дворы жгут и животы их грабят и людей их в полон емлют, а иных мучат всякими разными муками и жгут, и пограбя живот и всякий скот выгнали и с тем скотом ходят по деревням и по пустошам стоят и хлеб всякой травят и пустошат». Порховским целовальникам вторит воевода князь Буйносов-Ростовский «...а в Порхов де збежались... дворян и детей боярских матеря и жены, и дети, а в Порхове де служилых людей никою нет, стрельцов было всего сорок человек и тех де взял половину в полки подо Псков...». В полки подо Псков стрельцов забрал князь Хованский, посланный Москвой подавлять Новгородские и Псковские беспорядки. К концу года они были подавлены, хотя отдельные выступления крестьян продолжались вплоть до лета пятьдесят первого года.

Несмотря на все эти несчастья, обычная жизнь текла своим чередом. Из Порхова в Псков в третьей четверти семнадцатого века везли говяжье сало-сырец, которое там перетапливалось, везли шкуры лосей, рысей, лисиц, куниц, норок, соболей и даже котов. Самую большую часть экспортной торговли составляли все же не шкурки соболей и котов, а лен и пенька.

Порхов, хотя терял свое военное значение, но успел еще повоевать во время русско-польской войны 1654–1667 гг. В декабре 1664 года два полка литовских волонтеров под командой полковников Чернавского и Соломоновича общей численностью от полутора до двух тысяч человек дошли до Порхова, пытались штурмовать крепость, но неудачно, и отошли к Острову.

И все же крепость мало-помалу приходит в запустение. Опись, сделанная через три года после осады Порхова литовцами, сообщает, что крыши, прикрывавшие башни и проходы на стенах, сгнили и разрушились, осталась только одна на Малой башне. Еще через двенадцать лет, в шестьсот семьдесят седьмом году, Никифор Андреев, в «Смотренной книге Порхова» пишет, что все башни не крыты, сгнили и обвалились лестницы и настилы, которые вели в башни, и «ни на одну взойти не мочно». Мало того, стали разрушаться зубцы на стенах, и сами стены начали осыпаться. В довершение ко всем этим разрушениям в шестьсот восьмидесятом году в Порхове случился пожар. В самой крепости сгорели все деревянные строения. Ничего не осталось от домов, складов и настилов вдоль крепостных стен. Пострадала от пожара и Никольская церковь.

Защищать такую крепость, в случае нужды, было бы довольно затруднительно. Тем не менее, хотя и военного значения порховская крепость практически уже не имела, гарнизон в ней держали. За год до наступления восемнадцатого века Порхов и его крепость были подробно описаны, и по этой описи гарнизон состоял из воеводы Федора Афанасьева сына Волкова, полусотни стрельцов под командой пятидесятника и двух воротников, смотрящих за тем, чтобы крепостные ворота совсем не развалились. На трех башнях – Псковской, Средней и Никольской – имелось по одной медной пушке. Кроме того, крепость была вооружена двадцатью семью затинными пищальми, двумя полковыми или полевыми пищальми, то есть пушками, предназначенными для огневой поддержки при вылазках из крепости и отражения атак осаждающих. «Посадских людей, которые в службе Великого князя написаны», в Порхове проживало сто девяносто человек, а всего населения в городе и крепости было около четырех с половиной сотен.

Это с одной стороны, а с другой... Начнем с пушек. «А пушечной и зельной и свинцовой казны и всяких пушечных припасов: во Псковской башне пушка полуторная лежит на городской стене, без станку и без колес; мерою в длину пол 4 аршина... На Средней и на Никольской башнях 2 пушки полуторные лежат на захабах, без станков и без колес; мерою обе пушки по пол 3 аршина... А к тем к трем пушкам в казне Великого Государя 601 ядро железных; а все те три пушки медные». Пушки без станков и без колес не лежат, а валяются, и стрелять они могут... «Да в казне же Великого Государя 27 пищалей затинных, да ствол затинной пищали, без станку и без замку. А к тем пищалем 1310 ядер железных, 26 мушкетов железных; а станки тех мушкетов иные изломаны. Да пищаль полковая одна с станком; а тот станок погорел не горазно. Да другая пищаль полковая ж; только в пожаре тое пищаль погнуло». Имелся еще и «тюфяк железный, дробовой, без станку». Что не изломано, то пожар погнул или «без станку» ... В арсенале крепости имелся еще и запас каменных ядер. «Каменных больших ядер 90, каменных же меньших 220 ядер». Да

вот беда – «к тем каменным ядрам пушек в Порхове нет». Есть и запас копий: «60 копей долгих, солдатских целых и ломаных». На случай осады имелось еще «две козы железных» – устройств для поливания кипящей смолой голов лезущего на стены крепости неприятеля. К таким козам полагалось держать запас смолы, но смолу, видимо, не запасли, поскольку в описи об этом ни слова.

О пороховых и свинцовых запасах: «4 бочки зелья заднены; пятая бочка не полна. Да свинцу же, две свиньи целых, да в мелких кусах свинцу ж поменьши чети четверика, да в кусу с четверть свиньи свинцу ж. Да фетиль, что есть. А та Великого Государя зелейная и свинцовая казна стоит в городе Порхове под церковью Николая Чудотворца не перевешена, потому, что тое казны перевешивать нечем; таких весов нет». Еще и весов нет – то ли изломали, то ли сгорели при пожаре восьмидесятого года. Наконец «4 багра железных, горелых и ломаных».

Теперь о самой крепости: «Город Порхов каменной, а в нем ворота проезжие. А у тех ворот крепостей после пожару построено вновь: в городских воротах щит, а два щиты у городских ворот и две каменные решетки по се число не построены; а который щит построен, и тот щит против прежняго полицами железными не обиван; и замков висячих у тех ворот ныне нет, только один засов железной с причелиной железной. 3 башни глухих, четвертая башня Никольская... а все те башни и городовая вся стена некрыты; а на башнях и на городской стене зубцы, а городовая стена внутри города Порхова, и за городом также городовая стена и башня, где был преж сего до пожара деревянной роскат у Тайничных ворот, гораздо во многих местах осыпались. А которые были каменные лесницы на городовую стену и каменная тюрьма в стене, и те лесницы и тюрьма гораздо осыпались, а иной тюрьмы в Порхове нет. А в башнях мосты и лесницы, а в городе подле городской стены перила все в пожаре сгорело, и на башни ни на одну взойти никоторыми делы невозможно». Мало того, что пушки без станков и без колес, так еще и добраться к ним невозможно. Что же касается железных полос, которыми нужно было обить городские ворота, то они лежали в подвалах под церковью Николая Чудотворца «260 полиц железных, горелых и ломаных». Под церковью хранить зелейную и свинцовую казну тоже было небезопасно: «А где та Великого Государя казна стоит под церковью Николая Чудотворца двери ветчаны гораздо и диравы». К государственной казне был приставлен «выборной целовальник Порховитин, посадцкий человек, Сенька Фуфаев». Вряд ли Сеньку погладили по голове после того, как эту опись прочли в Разрядном приказе...

Запустение коснулось и подземного хода, по которому были проложены трубы из крепостного колодца в Шелонь. В описи о нем сказано: «Да в городе ж Порхове под городовую стену в Шелонь реку тайник каменный; тот тайник гораздо осыпался и водою скуден гораздо. И которые в тайник были трубы из колодезя в Шелонь реку, и те трубы засегли. И ныне тот тайник стоит порушився, и в осадное время водою прожить немочно. А в городе Порхове колодезей, oprич того тайника, никакого нет»²⁴.

Гарнизон, к счастью, не голодал: «Да в городе же Порхове житной двор и житницы, в которые собирают стрелецкой хлеб на жалованье Порховским стрельцам; и что было в сборе стрелецкого хлеба прошлаго 206 (1698) году, и тот хлеб им стрельцам роздан на жалованье, а запасного хлеба и запасные соли в Порхове нет», но случись осада...

Посадские люди, хоть и формально военными не являлись, все же были вооружены: «у 35 человек по пищали, и 122 человек по топорнику, у 17 человек по бердышу, у 16 человек по копыю». На службе не числились только дети: «Их же детей и братья, племянников и внучат, которые в службу Великого Государя не написаны, 69 человек. Пушкарских детей 5 человек. Воротничких детей и братья и племянников и внучат 7 человек».

С этими пушками без станков и колес, с непокрытыми стенами и башнями, на которые никак нельзя взобраться, с изломанными мушкетами, с погнутой пищалью, с воротами, не обитыми железом и без замков, с четырьмя горелыми и поломанными баграми, без хлебных и соляных запасов, с двумя железными козами без смолы, с почти пересохшим колодцем и вступил Порхов в восемнадцатый век.

Примечания

¹Порхов помнит, кому обязан своим появлением на свет. Здесь есть набережная имени Александра Невского и памятник князю, установленный в год празднования семисот пятидесятилетия основания города. И это не все. В одном из залов порховского Дома ремесел стоит с фанерным щитом и фанерным мечом Александр Ярославич, сплетенный местной мастерицей частью из лыка, частью из болотных трав, частью из... короче говоря, из экологических чистых материалов.

²Старое порховское городище является памятником федерального значения и, как написано на памятной табличке перед входом на его территорию, охраняется государством. Государство, конечно, его охраняет, но... больше ничего не делает, а городище между тем зарастает травой и сорняками. У города нет средств, чтобы нанять человека, который регулярно, раз в две недели, косил бы траву. Время от времени равнодушные граждане, организованные сотрудниками музея, здесь косят траву. Краеведческий музей упорно добивается от охраняющего городище государства ставки косца, и как только добьется...

И еще о тропинке. В 1873 в нескольких номерах Псковских губернских ведомостей была опубликована работа секретаря порховской городской Думы и краеведа Александра Петровича Анисимова «Исторические и статистические сведения о городе Порхове», в которой он писал: «Кроме этих оставшихся укреплений, в одной версте от Порхова к югу, на правом берегу Шелони, также находится небольшое укрепление, называемое Городище. Место это принадлежит городскому Обществу и отдается в оброчное содержание. По малому его объему надо предполагать, что это был ретраншемент (передовое укрепление). При входе в него, на тропинке, в одном месте, при ударе палкою в землю, слышна пустота, по всей вероятности, это погреб, вход в который сам собою от времени засыпался, и отыскать его можно только при тщательном расследовании; а у песчаного берега реки, от размытия его водою, находят мелкие серебряные монеты, называемые копеечками. Случай этот подал в народ мысль о сокрытых в Городище кладях и увеличил его вымышленными рассказами о нечистой силе, наполняющей Городище и стерегущей свои сокровища». Может, это та самая тропинка, а может и не та. У берега Шелони, в том месте, где река протекает под городищем, я был, но серебряных копеечек не видал. Даже и медных там нет, но сокровища и нечистая сила, их стерегущая, непременно есть. Должны быть.

³Были и те, кто относил появление Порхова к первой половине одиннадцатого века. В 1829 году, в петербургском журнале с легкомысленным названием «Бабочка: дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития», была напечатана статья некоего Медведева под названием «Топографическое описание города Порхова», в самом начале которой автор сообщал, что: «Началом своим Порхов одолжен Великому Князю Ярославу Владимировичу; в летописце сказано: в лето 6540 (1032) повелел Великий Князь Ярослав Владимирович поставить град Порхов и иные многие грады. – По местным преданиям, сей первоначальный город находился близ древнего погоста Демьянского (основанного, может быть, Св. Княгиней Ольгою), при впадении в реку Шелонь речки Демянки, от чего у Новгородцев сперва и назывался он Демянном, или просто городом на Шелоне. Хотя не известно с достоверностию, в чем состояли тогдашние укрепления города сего, но думать надобно, что первоначально был он обведен только земляным валом; ибо уже в 1239 году Св. Князь Александр Ярославич Невский обвел его деревянными стенами». В каком летописце... кем сказано... Библиографии в конце этой статьи нет, да и какая в журнале с таким названием библиография... В Лаврентьевской летописи читаем: «В лето 6540. Ярослав поча ставити города по Роси». Ни о каком Порхове и речи нет. Река Рось и вовсе приток Днепра.

И все же. В Порховском районе, в двадцати пяти километрах от Порхова, есть деревня Дубовно, которая около того же времени, что и Порхов, была по распоряжению Александра Невского обнесена деревянными стенами, а между тем эта деревня впервые упоминается в Новгородской берестяной грамоте еще во второй половине одиннадцатого века*. Выходит, что жили люди в этих местах задолго до того, как сюда пришел со своей дружиной Александр Ярославич. Может, и Порхов куда старше, чем мы теперь считаем.

Кстати, о Дубровно. В средние века находилось это селение как раз на перекрестке дорог на Новгород, Псков, Полоцк и Нарву. Через Дубровно в 1242 году проходило войско Александра Невского по пути на Ледовое побоище, в 1473 году везли в Москву через Псков и Дубровно невесту Ивана Третьего Софью Палеолог, 12 января 1510 года московский дьяк Третьяк Долматов провез на санях через Дубровно опальный псковский вечевой колокол, а еще через две недели в обратном направлении из Новгорода во Псков через Дубровно проехал Василий Третий, чтобы окончательно сделать Псков и псковичей своими подданными.

*Упоминались в Новгородских берестяных грамотах и Порхов, и деревни, расположенные в его округе. Большей частью это, выражаясь современным языком, хозяйственные документы. В четырнадцатом веке некий Сидор, которому принадлежали земли и крестьяне в порховской округе, велел Григорию, по всей видимости своему приказчику, ехать в Порхов, а перед тем, как ехать, отдать оленьи шкуры сторожу в церковь, да не забыть два берестяных короба прибрать, да кормить его чалого коня овсом каждый день, да на чалом коне не ехать, а ехать на карельском... Крестьяне из деревни возле Порхова пишут своему господину о том, что договорились в городе с воеводами о поставке трех коробов овса, а в грамоте конца двенадцатого века Петр пишет Овраму о сборе налогов. Во второй половине четырнадцатого века или в первой четверти пятнадцатого Моисей из Порхова пишет на бересте черновик духовной грамоты: «...Се яз раб божий Мосии пишу рукописание при своем животе...». Береста – материал недолговечный. Окончательный текст завещания писался на пергаменте и к нему прикреплялась на шнурке свинцовая печать в канцелярии наместника Новгородского епископа. За всем этим нужно было ехать в Новгород, что и сделал Моисей. Сел на коня и поехал. Вот только по дороге его ограбили. Мы бы об этом и не узнали, кабы своей рукой не приписал он на той же бересте: «На том ся шлю. Отняли у меня Селиванке да Михейке да Якове да Болдыкине конь в три рубле, седло в полтину, одежду. А то содеялось меж Горками и Горками на Бору». Деревни эти и сейчас есть. Если ехать из Порхова в Дубровно, то как раз мимо них и проедешь. Называются Верхние Горки и Нижние Горки. По переписи двухтысячного года в обеих проживало полсотни человек. Сколько сейчас – неизвестно. Живут, поди, одни старики со старушками. В такие глухие места дачники не забираются. Так что проезжайте мимо спокойно – не ограбят.

4Название реки Шелонь, на которой стоит Порхов, в русских летописях тринадцатого века писалось как Шолонь или Шолона. Характерная черта местных говоров – шепелявость и потому название реки можно реконструировать как Солонь или Солона. И действительно – по берегам Шелони соляных источников довольно много*. Вот и выходит, что Порхов – пыльный город на соленой реке.

*Вода в порховских краях, если ее предварительно не очистить, имеет отвратительный вкус и такой же запах. В гостинице «Шелонь» в этом можно легко убедиться.

5В марте двадцать второго года членство Порхова в Новой Ганзе, как и пятнадцати других российских городов, туда принятых, было приостановлено в рамках санкционной кампании.

6Ольгерд грабежом городков на Шелони не ограничился и пошел к Новгороду. Не доходя до него шестьдесят верст, встал он лагерем недалеко от озера Ильмень и послал новгородцам письмо, в котором писал, что обиду ему нанесли смертельную, что он этого так не оставит, что новгородские власти помидорами не отделаются, что идет на Новгород войной. Новгородцы быстро собрали войско и выступили навстречу литовцам. Прошли они половину пути, то есть верст тридцать, сели отдохнуть, подумали и решили, что неприятностей у них и без Ольгерда хватает. Воевать из-за сболтнувшее лишнего посадника им, мягко говоря, не улыбалось. Вернулись они с полдороги домой, собрали вече, общим собранием порешили убить Евстафия и немедленно его и убили. Послали ли они труп Евстафия Ольгерду или ограничились покаянным письмом, в которое вложили некоторую сумму денег, чтобы обида из смертельной превратилась в несмертельную или вовсе стерлась из памяти – неизвестно, но в 1347 году Литва заключила с Новгородом мир.

7Первый порховский краевед Евгений Евгеньевич Лебедев в своей, изданной в начале прошлого

века, книге «Порхов и его окрестности» писал, что убит был Роман Юрьевич в битве под стенами Порхова между чудью и псковичами. Порхов взять чудь не смогла, но князя убила. Правда, Лебедев сомневался в том, что все эти события происходили на самом деле, поскольку летописными источниками они не подтверждаются, а упоминание о ней нашел он лишь в «Новом и полном географическом словаре Российского государства», изданного в 1788 г. Новиковым. Не летопись, конечно, что и говорить. Там и списка литературы никакого нет. Есть только одно предложение в статье, посвященной Порхову: «В 1399 происходило при стенах его жестокое сражение у Псковичан с Чудью, которые однакож тогда города взять не могли», но... в 2013 году другой порховский краевед Алексей Екимович Крылов в книге о Порхове «Край между Псковом Новгородом» пишет об этой битве и о гибели в ней князя Романа Юрьевича как о факте неопровержимом. Правда, без конкретных ссылок на первоисточники, которым и взяться неоткуда. Можно было бы сослаться хотя бы на книгу Лебедева, откуда эта версия событий была добросовестно списана, но... нет. Пройдет еще полвека или век, и третий порховский краевед опишет в подробностях и битву, и гибель князя Романа Юрьевича – стрельу, торчащую в его груди, убитого коня и руку в стальной кольчужной рукавице, еще сжимающую меч. Может даже сошлется на труды предшествующих краеведов... или не сошлется.

⁸Пиргос – башня, сооруженная на укреплении (греч. Πύργος).

⁹С того времени в Шелони утекло много воды. Крепость мало-помалу ветшала. Ко второй половине восемнадцатого века стены и башни крепости так подмыла Шелонь, что из них начали выпадать камни. В полицейском управлении Порхова в 1767 году завели дело «о разломке воротной стены и переноске годного камня чрез ручей на порожнее огородное место бывшего подъячего Павла Романова». К делу была приложена записка, в которой говорилось: «В том числе одна башня угловая к реке Шелони от разлития воды подмывши и разваливши с двух сторон; а в другой башне, под которой имелись в город ворота и проезд, в нижнем своде от размытия дождем камень валится и в воротах подставлены с боков столбы, а на них подобран был из бревен потолок, токмо и оный потолок от насыпавшегося камня имеет великую тягость и к падению склонность... Соборная церковь во имя Николая Угодника каменная, из дикого же камня, из расседин, из глав кирпич валится, и весьма ветха, а по указу из консистории его преосвященства к священнику велено разломать и построить вновь». Самой замечательной фразой в этой записке была «Оный город построен вниз по берегу реки Шелони, а давно ль к нему строен описания не имеется».

Порховская воеводская канцелярия тоже не сидела сложа руки и писала в Новгородскую губернскую канцелярию: «сверху камень валится, и не повелено ли будет опасные места, наняв рабочих людей... разобрать, дабы в нынешнее время от бывающих в погоды ветров и дождей не учинилось от падения народу вреда». Новгородский губернатор Яков Сиверс в ответ на представление Порховской воеводской канцелярии предписал оценить работы по разборке крепости, составить смету и представить ему. Тут, к счастью, порховские власти оплошали. Начальник воеводской канцелярии коллежский ассессор Вараксин отвечал их высокопревосходительству: «таких людей, кто бы мог по науке сочинить городу план и к разбору смету, по многому от канцелярии разведыванию, не отыскалось». Все же решили разобрать самые опасные участки стены, а то, что еще держалось и не падало, привести в порядок. Объявили торги, договорились о цене и... оказалось, что денег на то, чтобы оплатить работы победившему на торгах крестьянину из Пошехонского уезда Алексею Сорокину, нет. Просил он не бог весть какую сумму – около шестидесяти целковых, но их-то как раз в казне и не оказалось. Губернское начальство порекомендовало Порховской воеводской канцелярии использовать для этой цели бесплатных колодников, содержащихся в городской тюрьме, но колодник был всего один, и тогда пришел приказ «для разломки опасных мест употребить порховских посадских людей, кои содержатся при ратуше за неплатеж соляной суммы». Употребили и разобрали наружную стену Никольского захаба, перенесли церковную колокольню со стены на Никольскую башню, а обломками разобранной стены засыпали ров. Тогда же полностью перестроили Никольскую церковь.

После этого забыли о крепости еще почти на полтора века. В период с девятьсот одиннадцатого по девятьсот тринадцатый год город ассигновал на поддержку крепостных стен сто рублей, уездное земство еще четыреста, а губернское еще пятьсот. Вот на эту тысячу и нужно было привести в порядок постоянно ветшающие стены. Потом была война, потом... Большие реставрационные работы в

крепости велись с 1962 по 1979 гг. Прошло еще тридцать пять лет, и в четырнадцатом году снова говорили о реставрации в связи с ухудшающимся состоянием крепости. Говорили об этом примерно лет пять. Летом девятнадцатого года в Псковской области прошел электронный аукцион, на котором победило АО «Реставрационные компании». Не просто так компании, а созданные министерством культуры. Им, как положено победителям, государство тотчас из федерального бюджета перечислило 134 миллиона рублей. Отреставрирована крепость должна была быть к концу ноября двадцатого года. К августу двадцатого года разразился скандал... Впрочем, кого таким скандалом можно удивить. Обычное у нас дело – деньги потрачены, работы проведены едва на двадцать процентов, зарплату рабочие не получили, крепость в результате работ стала еще больше разрушаться. Оно и понятно – рабочих, призванных ее реставрировать, обучали этому не самому простому искусству непосредственно на стенах.

Контракт расторгли и вновь провели аукцион. Его выиграла московская реставрационная компания «Таласса». Запросила она на реставрацию 142 миллиона рублей, каковые тотчас после победы на аукционе и получила. Работы планировалось завершить к ноябрю двадцать первого года. Был я в крепости в начале августа двадцать второго... Нет, работы ведутся, что и говорить, но медленно и очень. По плану хотели укрепить, расслоившуюся кладку, в башнях устроить настилы для боевых ярусов, проходы на боевой ход стен, воссоздать шатры над башнями, кладку зубцов стен из бутového камня и многое другое. Думали, что все деревянные работы выполнят, как полагается в таких случаях, топорами, а не бензопилами, но, судя по всему, рабочие, которых привезла из Средней Азии компания субподрядчик, которую наняла компания «Таласса», которая теперь не выходит почему-то на связь, топоры увидели в Порхове впервые и потому... заказчик думает разорвать контракт. Будет ли третий подрядчик или все же добьются толку от второго – Бог весть.

¹⁰Погост в данном случае вовсе не сельское кладбище, а сельский податный округ, состоящий из нескольких деревень.

¹¹Пятина – административно-территориальная единица (пятая часть земель) в Новгородской республике.

¹²Когда воюющие стороны договорились о том, что мирные переговоры будут проходить в семи-десяти километрах южнее Порхова в Запольском Яме, неожиданно выяснилось, как писал в своих записках Антонио Поссевино, что «Ям настолько основательно сожжен казаками, что нигде нельзя найти даже кола, чтобы привязать лошадь, и во всей округе нет ничего, что могло бы быть в декабре месяце кровом для нас, наших людей и лошадей». В деревню Киверева горка, в которой в конечном счете остановились делегации переговорщиков, продукты возили, по словам Поссевино, «Из Новгорода, находящегося на расстоянии около 200 миль... стали получать продовольствие и приготовленную пищу (хорошо сохранявшуюся на морозе), так что вообще не делали никаких расходов.... К тому же окрестные поля были опустошены королевскими войсками, поэтому едва ли можно было что-либо купить, кроме хлеба». Где пан Троковский увидел «такие большие скирды ржи, ячменя и овса, что человек едва в состоянии перебросить через них камнем» – непонятно.

¹³Хотя и в примечаниях, но не преминем сказать, что князь Мещерский за такие услуги шведам был ими награжден земельными пожалованиями. Ему отписывали земли порховского околотородья, ранее принадлежавшие Дворцовому приказу и помещикам, убежавшим в начале Смуты во Псков и в Москву. Только в Опоцком и Смоленском погостах Порховского уезда Мещерский получил двести двадцать четей, что в переводе на гектары составляет сто десять, а вообще его поместный оклад, то есть та земля, которой он мог пользоваться при исполнении своих служебных обязанностей, был в три раза больше*. Наследственная/вотчинная земля в счет оклада не шла. Не обижали Мещерского шведы, что и говорить. Когда Смуте пришел конец, а Иван Афанасьевич стал служить объезжим головой в Москве и командовать уличными сторожами из стрельцов, пушкарей и посадских людей, а заодно и решеточными приказчиками, таких окладов у него уже не было.

*Документы об этих пожалованиях не пропали, а лежат в целости и сохранности в Стокгольмском архиве.

¹⁴Одних лягушек его кавалеристы в день съедали до трех сотен, а сам Яков Бурьин Декорабел

требовал себе еще и лягушачьей икры. Весной-то она свежая, а потом приходилось для басурманина ее солить... Солили – деваться некуда.

¹⁵Часть французов псковичам удалось взять в плен, и эту пленную часть они предложили Карбелу Яковлевичу обменять на порховских дворян, детей боярских и их семьи, которых Коробелл держал в качестве заложников. Псковские воеводы писали в Порхов: «А хто у нас твоей карбеловы роты немецких людей есть во Пскове, и мы для ведома послали к тебе под сею отпискою тем немецким людям имени: Порутчик Егор Юнсин. Хлопец ево Лас Иршин. Фреск Дюпии. Пахолук* ево Юшка Мартинов. Яков Делиширон. Флямовий. Кгилям Ляндос. Бернат Илянттий. Ирлян Ерлон. Трубачей Итян. Марин Лаборин. Жан Алекунт. Юриблям Каборх». Ну, с Жаном все понятно. Как звали Якова и Берната по-французски, еще можно догадаться. Кгилям по всей видимости Гильом, Юшка, наверное, Жюль, Фреск – Франциск, а вот кто такие Трубачей, Флямовий и Юриблям...

*Оруженосец

¹⁶Ошибся голландский посол – отчество у князя Мещерского Афанасьевич.

¹⁷Шиши – партизаны. Отряды этих партизан состояли преимущественно из вооруженных чем попало крестьян – разоренных и ограбленных бесконечной войной всех против всех, а потому очень озлобленных.

¹⁸Имеется ввиду Якоб Делагарди

¹⁹Можно было бы саркастически усмехнуться и вспомнить о крокодиловых слезах, читая, как Грасс жалеет ограбленных, побитых и умученных православных крестьян, но... видимо, он действительно относился с сочувствием к положению, в котором они оказались. Сохранилось, как мы бы теперь сказали, коллективное письмо трех священников, трех дьячков, трех волостных старост и девяти крестьян трех погостов Порховского уезда на имя Якоба Делагарди*. Письмо это было написано уже после заключения Столбовского мира, по которому Порхов возвращался Москве, в тот момент, когда уже в Порхов приехали московские представители для того, чтобы получить от шведов ключи от города, и потому вряд ли оно написано под давлением Грасса, да и какой толк... После подробного перечисления того, что Грасс взял у крестьян за то время, что он был в Порхове комендантом, с Карачуницкого, Болчинского и Ясенского погостов (денег, ржи, ячменя, овса), авторы обращения пишут: «А больше того у нас воевода денег и хлеба не имывал, насильства и грабежу никакого над нами не делывал, без пени никого в тюрьму не саживал и не мучивал, и куниц и лисиц не имывал, и денег никаких на себя не правливал, и пашни на него не пахивали, и дела никакова не делывали, опроч дворового дела, что на него в Порхове двор поставили, а давали мы по государеву королевскому указу и по воеводцким росписем денги и хлеб в кормы помесечно. А немецким людям салдатом также воевода вольности и насильства никакого делати не давал, и в деревни наши немецким людям ходити не велел, делал нам все добро, и от сторон нас от казаков и от шишов оберегал».

К истории Порхова это отношения не имеет, но адрес, надписанный на письме к Делагарди, уж очень красив, и потому приведем его здесь, в примечаниях к примечаниям: «Велеможного и высокороженного князя и государя, государя Адолфа Карлусовича Свитцкого, Готцкого, Виндеиского и избранного короля и отчинаго князя и великого князя Финские земли и арцуха Эстерские и Весмерлянские земли, его королевского величества боярину болшому ратному воеводе графу Якову Пунтосовичю Делегарде на Легколме, волному господину в Ехколме, в Колке и в Рунсе».

*герцога

²⁰Кроме украденных колоколов и пушек из Порхова, русские послы предъявили список украденных колоколов и пушек из Новгорода, Старой Руссы и Ямгорода. Был в этом списке даже пивной котел, вывезенный шведами из Ладogi. Невозможно удержаться, чтобы не привести ответ графа Делагарди, записанный нашим подьячим: «...кленусь де вам, царского величества великим послом, в том во всем сам своею душею, чтоб деи мне душа своя в ад послать, что никак болши 14 колоколов,

что моршалак прислал, никакого наряду и колоколов из Новгорода и из Ладоги, и из Порхова после договору не вываживано, в том де он дает клятву сам своею душею, и сыскивать де за ним король про то не пошлет». Что тут скажешь... только ««Поздравляю вас, гражданин соврамши!»

²¹При освобождении Новгорода от шведов царь направил в город специальную грамоту «митрополиту Исидору и всем духовного и светского чина людям», в которой говорилось: «А которые люди, будучи у свейских людей, им доброхотали и служили, и во всем им были покорны, и волю их творили волей и неволей, и тех по нашему царскому милостивому нраву жаловать хотим, никто бы ничего от нас не опасался; как было, будучи у свейских людей в руках, воли их не творить?» Удивительнее всего то, что слова с делом у Михаила Федоровича не разошлись.

Прошло четырьеста с лишним лет, и... прогресс, конечно, есть – у нас теперь сын за отца не отвечает, но насчет всего остального...

Что касается бывшего порховского воеводы князя Ивана Афанасьевича Мещерского, то с ним поступили в полном соответствии с царской грамотой. Он остался на службе и в шестьсот двадцать седьмом году вместе с подьячим Федором Стоговым описывал вологодский посад. Не бог весть какая синекура, но ведь и не рабочим на стройке железной дороги из Воркуты в Салехард.

²²Затинщиками назывались стрелки из крупнокалиберных крепостных ружей – пищалей или гаковниц. Как правило, такие пищали представляли собой дульнозарядные ружья с крюком (гаком) под стволом, которым они зацеплялись за крепостную стену для уменьшения отдачи.

²³Против оклада сотника на полях написано: «сотнику быть без жалования». Со сторожем обошлись немногим лучше – против оклада сторожа на полях приписано: «быть без жалованья без хлебного, дать ему денег рубль». Так и хочется на полях этих полей дописать: «и пусть ни в чем себе не отказывает». Таких примечаний на полях Росписи довольно много, и относятся они не только к Порховскому гарнизону. В Гдове воротникам велено давать только денежное жалованье, а хлеба не давать, в Пскове казенным плотникам «ни денег, ни хлеба не давать, а как будет государево дело, и им давать поденной корм», воротникам «быть без хлебного жалованья, потому, что торгуют и даней не дают, и за соль не давать, а денежное жалование давать», в Великом Новгороде воротникам «велеть им быть из денежного жалования, а хлеба не давать; а буде они не похотят, ино приискать иных, потому, что тягла не платят и служеб не служат». Конечно интересно узнать – кто писал эти комментарии на полях, но куда интереснее – кто же настучал в Новгород, что псковские воротники торгуют и даней не дают...

²⁴Кстати, о подземных ходах и тайниках. Нет такой старой крепости, в которой не было бы подземных ходов и тайников. Ну, а раз есть и то и другое – значит, должны быть и привидения, и клады, и легенды об этих кладах и привидениях. С легендами в порховской крепости дело обстоит очень плохо. В соседнем Острове в крепости были и несметные сокровища за семью замками, и огромные черные собаки, охранявшие их, и закаятая царевна, раз в год выходившая из своей темницы раз в год на Пасху попить воды из Великой и попросить идущих к заутрене надеть на нее нательный крестик, была и кошка, охранявшая царевну, а в Порхове, кроме закаятой царевны, не было ничего.

Павел Михайлович Силин в своих «Археологических заметках о городе Порхове» пишет, что в 1863 году слышал легенду о том, что «В одной из крепостных башен в подземных глубоких тайниках находилась заключенною, закаятая своею матерью, какая-то царевна, оберегавшаяся там какою-то невидимою силою. Тень этой царевны в виде призрака в глубокую ночь являлась некоторым похотевшим мимо крепости людям...». Тень не просто являлась, но просила прохожих надеть ей нательный крест. По каким-то нам неведомым причинам никто из прохожих крест ей надеть не решился. Через какое-то время призрачная царевна, хотя и была бестелесным призраком, все же поняла, что крест ей никто не наденет и... перестала являться прохожим. То ли островская принцесса родная сестра порховской, то ли это и вовсе один и тот же призрак, время от времени живший то в одной, то в другой крепости... Ни сундуков с сокровищами, ни меча Александра Невского, пусть и насквозь проржавевшего, ни библиотеки Ивана Грозного, ни временного портала для попутанцев – ничего.

Продолжение следует.